

The background of the cover is a watercolor-style illustration. It features a woman in a white, high-collared dress with a dark braided detail at the neck, looking towards the right. Behind her, a man with a long, dark beard and hair is depicted in profile, looking towards the left. A bright, glowing orange and yellow light source, resembling a setting or rising sun, is positioned between the two figures, creating a dramatic silhouette effect. The overall color palette is dominated by blues, greys, and the warm tones of the light.

Инна Ласточка

Элли

Нур

Инна Ласточка

ЭллиНур

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70432774

SelfPub; 2024

Аннотация

Очнувшись в темнице, в железных оковах Надзора, Элли пытается вспомнить, с чего начался её путь. Вспомнить и стать свободной.

Инна Ласточка

ЭллиНур

Имя – самое сильное заклинание.

Го Цзинмин

Темнота. Снова абсолютная темнота, от которой не скрыться, не сбежать. Элли идёт по мраморному полу Храма Ложи Чародеев, спускается по винтовой лестнице с покатыми гладкими ступенями, проходит вдоль множества дверей по коридору столь длинному, что конец его теряется в пелене белёсого тумана. Она идёт полная бесстрашной решимости – от камня веет холодом, пахнет сыростью и гнилью – Элли не смущает ничего. Одна дверь, вторая, третья... у четвёртой двери Элли останавливается, и взгляд её приобретает оттенок злой решимости, когда она касается железной ручки в виде головы змеи. Дверь со страшным скрежетом отворяется, и на первый взгляд кажется, что за ней нет ничего: ни пространства, ни времени, только пустота, – однако вскоре глаза Элли привыкают. Свет от факела скользит по полу и на миг выхватывает из полумрака силуэт странного существа. Подобие человека, созданного тенями, бесплотного – словно чёрная душа, заточённая здесь на многие века. Элли не страшно, она приближается

к нему, и с каждым её шагом существо обретает плоть, его кожа белеет, а на лице прорисовываются черты – губы, глаза, брови. Оно смотрит прямо в душу. Элли на мгновение теряется, прежде чем заметить чёрные пряди длинных шелковистых волос, собирающих на себе призрачные блики света. Ей хочется о многом спросить, но когда первый вопрос уже готов слететь с её губ, пол вдруг уходит из-под ног, и Элли падает... падает во тьму.

– Эй, очнись! – чья-то тяжёлая рука бьёт наотмашь по лицу так, что звенит в ушах, и Элли просыпается.

Яркий свет ослепляет, руки стянуты прочными верёвками, в колени впираются неровности ледяного каменного пола. Элли жмурится и пытается отвернуться, но свет словно исходит из самого воздуха и мучает её, пока она не привыкает к нему. Элли открывает глаза. Теперь она может разглядеть за источником света высокую фигуру – ужасная догадка возникает за миг до того, как в действительности подтверждается – фигуру рыцаря в чёрном. *Надзор*. Она попала в руки Надзора! Но почему? Элли силится вспомнить, что было до того, как она оказалась здесь, но голова раскалывается, а воспоминания так и не приходят.

Надзор – верные рыцари Ложи Чародеев пугали всё Королевство от берегов Алмазного моря до Великих Снегов на равнинах севера, от рыцарей нельзя было укрыться, им невозможно было противостоять. Если их чёрные доспехи

появлялись в каком-либо городе, это означало только одно – смерть. Они приходили за Пустыми – детьми, способными впитывать магию – и за Тифами – теми, кто от рождения из-за генетических отклонений был настолько силён, что в более взрослом возрасте мог стать угрозой власти.

Элли вспоминает об этом и не понимает, как могла привлечь их внимание. Её посредственные способностигодились лишь в хозяйстве – ни Пустой, ни Тифом она не была.

Рыцарь делает шаг вперёд, и Элли ясно видит его лицо – паутинки морщинок вокруг серых глаз, тонкие губы – он хмурится. Его действия спокойные, уверенные и оттого ещё более пугающие. Рыцарь хватается Элли за подбородок, разжимает челюсти и вливает в рот что-то вязкое и терпкое... напиток противно струится по языку, но Элли то ли от страха, то ли от неожиданности глотает и сжимает кулаки от пронизывающего холода, которым мгновенно затягивает все её внутренности.

«*Зелье очищения сознания*» – мелькает в голове, пока рыцарь убирает ёмкость от зелья и отходит за грань света, туда, где она больше не может его видеть.

– Назови своё имя, – его низкий с хрипотцой голос заставляет Элли содрогнуться. – Ты помнишь, как тебя зовут?

Всё её тело и сознание противиться, в голове всплывают странные образы, но они не складываются ни во что осмысленное, лишь вызывают боль.

– Элли, – шепчет она, позволяя слезам соскользнуть с рес-

ниц на щёки. Становится легче. Не намного, совсем на короткое время, но легче.

— Элли... так... а дальше? Полное имя, — настаивает рыцарь Надзора. — Говори!

Боль вспыхивает обжигающим пламенем, Элли скулит, заливаясь слезами, прежде чем проговорить:

— Просто Элли... у меня не было... других имён.

— Что ты помнишь о леди Лорен, госпоже Цветочного побережья?

— Леди Лорен... — это имя эхом отражается от стен, разлетается осколками магии, врезается в сердце. Боль выходит на новый уровень, и Элли заливается криком, неподдельным, доходящим до визга, способным тронуть кого угодно, но не рыцаря... только не его.

Леди Лорен строгая, всегда с прибранными наверх волосами, в длинных приталенных платьях тёмных оттенков, с высокомерным взглядом, сегодня грустна. Элли впервые видит её такой, по обыкновению внося в спальню завтрак и чистую одежду. Она замирает в дверях с подносом наперевес, не зная, может ли мешать госпоже в такой момент, позволено ли ей быть здесь. Однако леди Лорен молчит и, кажется, даже не замечает присутствия Элли. Её лицо бледное, осунувшееся, она взволнована... нет. Нет! Она подавлена и напугана. Элли кашляет громче и, наконец, привлекает к себе

внимание.

– Элли? – лицо леди Лорен меняется, она вновь строга, смотрит с нескрываемым пренебрежением.

– Госпожа, я...

– Поставь поднос, сядь, – приказывает леди Лорен, небрежно указывая на один из роскошных стульев у её письменного стола.

Элли покорно садится, и леди Лорен, на удивление, садится напротив. Её руки худые, жилистые, дрожат, дыхание сбито, но она старается не показывать этого. Она никогда не показывает своих чувств открыто, по крайней мере, пока знает, что на неё смотрят.

– Каков уровень твоих сил сейчас, Элли? – вопрос звучит поверхностно и отстранённо, будто леди Лорен просто хочет завязать разговор, но Элли с удивлением слышит в её голосе беспокойство.

– Я освоила бытовую магию среднего уровня, достаточную для жизни... госпожа.

Леди Лорен кивает, молчит очень долго, так что Элли кажется, что она недовольна и сейчас накажет её просто так, как делала обычно в плохом настроении, но леди Лорен сегодня вовсе не желает следовать ожиданиям. Она лишь устало вздыхает и тихо говорит.

– Ты должна уйти.

Элли поспешно встаёт.

– Простите, госпожа, я не совсем поняла вас. Разве вы не

будете завтракать и...

– Оставь, – леди Лорен проводит ладонью по лицу и задерживает пальцы у губ. – Я хочу, чтобы ты ушла. Совсем. Я дам тебе денег и одежду. Отправляйся на север и больше никогда не возвращайся сюда.

– Госпожа! – Элли падает на колени и заливается слезами. – Скажите, в чём я провинилась? Не выгоняйте меня! В этом мире кроме вас у меня никого нет... вы же сами говорили, что...

– Я знаю, что я говорила! – резко обрывает леди Лорен. – Уходи, – повторяет она. Её взгляд неуловимо меняется. Элли знает, что леди Лорен очень сильна, но именно в этот миг она понимает, насколько в действительности огромна её сила. – Иди так далеко от столицы, как только позволит этот мир, стань незаметной, живи мирно.

– Что вы говорите? – Элли качает головой, не уделяя должного внимания слезам, стекающим по щекам и капающим с подбородка. – Куда мне идти? Почему?

– На рассвете ты должна уйти. Я всё сказала. И должна уйти пешком. Сейчас лето... в поле безопасно. Это ради твоего блага. Уходи.

Элли знала о склонности госпожи к странным решениям, но сейчас она скорее поверила бы, что леди Лорен заколдована или всё это вовсе какой-то дурной сон. Она прожила в этом доме всю жизнь и не знала серьёзных лишений, леди Лорен за строгостью прятала истинное отношение, и Элли

верила, что та никогда не откажется от неё. Но ничто не бывает вечно. «Уходи». Эти слова бьют больно, очень больно, знаменуя конец её прежней жизни, знаменуя новую страницу, путь, который Элли придётся пройти в одиночку...

Она слышит свой визг словно сквозь толщу воды и обессиленно падает на земляной пол. Цепи звенят по бокам, ледяными щупальцами касаясь ног. Юбка платья изодрана в клочья, прикрыться не удаётся – Элли сжимается в комок на полу и скулит.

Рыцарь ходит за пеленой света, гремит склянками, что-то смешивает, заваривает, наливает. Зачем он мучает её? Зачем заставляет вспоминать? Элли прерывисто вздыхает и пытается расслабиться. Он, с лёгкостью угадав её мысли, отвечает на них с той точностью, будто она произнесла их вслух.

– На тебе лежит заклятие модификации памяти. Зелье – самый гуманный способ, который я могу предложить.

Элли не отвечает. Она просто не помнит, кто и зачем сделал с ней это, и ей кажется, что никакое зелье не способно заставить её вспомнить.

Элли бредёт по полю, раздвигая руками полевые цветы – их аромат разносится до самого побережья, она так думает, а ещё думает, что нужно было настоять, нужно было упасть в

ноги леди Лорен и просить остаться, даже если завтра наступит смерть, даже если завтра вовсе не наступит. Элли поднимается на холм и на фоне светлеющего предрассветного неба видит его – поместье леди Лорен: его башенки, окошки, островерхие крыши. Её дом. Бывший дом.

Блик света, словно солнечный зайчик, сверкает на фоне неба, и Элли думает, что это первый луч рассвета отражается от далёкого окна, но в следующий миг всё понимает, вскрикивает и зажимает рот ладонью. Особняк вспыхивает и загорается, языки пламени лижут стены, пробираясь всё выше и выше... Элли смотрит, широко распахнув глаза. В конце концов она выходит из оцепенения, кричит, срывается с места и бежит обратно, что есть мочи, но она уже прошла защитный барьер поместья, и он больше не пускает её. Она врывается в него – в стену уплотнённого воздуха – бьётся об него, как птичка о прутья клетки, а затем обессиленно сползает вниз.

Леди Лорен знала.

Леди Лорен отослала её специально.

Руки Элли безвольно опадают на колени, её переживания и страхи бурлят в ней, как зелье в котле – порыв ледяного ветра сбивает её волосы в сторону, она раскрывает глаза. Ещё мгновение назад ясное небо внезапно затягивают белые пушистые облака, переполненные, готовые излиться на землю. Элли ожидает дождь, но вместо воды ветер приносит снег, крупные пушистые снежинки. Сначала падает од-

на, затем две, и вот целая вереница белых пчёл опускаются на землю, начинается метель – снег засыпает поместье Леди Лорен, подавляет полыхающий над крышами огонь... Элли испуганно поднимается на ноги, сухие губы дрожат, и слова сами срываются с них как заклинание, как последний приговор.

– Это сделала я? Я?

Вызвать снег летом всё равно, что добровольно спрыгнуть в воды Алмазного моря. Даже если это не её рук дело, ей следует быть отсюда подальше. Элли верит, что на такое она не способна, но поверит ли ей Надзор? Она разворачивается и спешит уйти, надеясь только на то, что леди Лорен жива, что леди Лорен не пострадала, и что поместье сожгли не из-за неё, ведь она – никто. Простая служанка, простая сиротка-найдёнка, которую приютила богатая и сильная госпожа. Элли не хочет думать, что может быть по-другому. Это всё осложнит.

Она идёт, не глядя под ноги, не разбирая дороги, а выбившись из сил и наплакавшись вволю, наконец, решает последовать совету леди Лорен. Элли старается быть незаметной, переодевается в юношу и первым делом идёт на постоянный двор, узнать последние новости, и уже после подумать, что делать дальше. Одно она знает точно – в столицу ей путь закрыт. Какова бы ни была причина просьбы леди Лорен, Элли собирается выполнить каждое её слово. Её решение твёрдо и окончательно, так она думает, пока не оказывается за столом

общего зала «Рябиновой грозди».

– Слышал, что поместье госпожи Цветочного побережья сгорело? – звучит хриплый мужской голос из-за стола напротив. Там общаются двое мужчин, одетые весьма скудно, но опрятно, будто обеспеченные господа в дороге.

– Да что ты? – удивляется второй. – На следующий день после того, как в Звёздной Стелле появилась трещина?

– Согласен. Не похоже на совпадение...

Дальше Элли не прислушивается. Всё её существо сжимается от этой новости, и она на негнущихся ногах спешит покинуть общий зал и закрыться в снятой отдельной комнате.

Звёздная Стелла... Элли хорошо помнит её. Высокий шпиль от земли до неба напротив Храма Ложи Чародеев – верховного органа управления в их королевстве. Даже самый невежественный маг знал, что Король – лишь формальность для страны, и что вся власть в руках Ложи, власть, основанная на страхе перед Звёздной Стеллой, которая, по слухам, сдерживает древнего демона. Элли, навещая столицу с леди Лорен, не почувствовала от Стеллы угрозы и долгое время думала, что Стелла всего лишь каменная статуя, которую Ложа использует, чтобы укреплять свои позиции в народе. Однако сейчас Элли становится страшно.

Маленькая пыльная комната кажется душной, стены будто давят на плечи, и Элли открывает окно.

– И что она могла им сделать? – без тени страха и даже с насмешкой спрашивает женщина на улице.

– Все это знают. Ложа и рыцари Надзора вот уже девятнадцать лет ищут Пустую, которую кто-то выкрал... Если кого-то подозревают, сама понимаешь... – отзывается другая.

– Тихо! – возмущается какой-то мужчина, перебивая её, – такое и за закрытыми дверьми не обсуждают. Госпожа Цветочного побережья сгорела в собственном доме... всё оттого, что язык длинный, а вы трепетесь тут!

Элли захлопывает ставни и сползает на пол – леди Лорен... больше нет. Леди Лорен обладала огромной силой, но её оказалось недостаточно, чтобы противостоять Надзору – Элли не хватает сил произнести это слово, потому что произнести его, значит признать случившееся, значит окончательно поверить в это. Леди Лорен... умерла.

Боль утраты, ужас, одиночество, – всё смешивается в отчаянной попытке дышать, в слезах, разрывающих сердце на части... Элли плачет, Элли погружена в себя и даже не замечает, как сон медленно увлекает её в свои сети, и она засыпает...

Элли лежит на полу. Дыхание тяжело срывается с губ и улетает белёсым облаком пара. Холодно. До жути, до костей, до самых дальних уголков души, даже сердце, кажется, покрыто изморозью, но Элли не двигается, она устала от боли, она измождена и хочет лишь одного – просто лежать. Элли знает, что это только начало и ни на что не надеется, но где-

то глубоко внутри себя находит страстное желание докопаться до истины, вспомнить и понять, что с ней случилось. Почему погибла леди Лорен?

Грубые руки снова хватают за подбородок, и ненавистный напиток льётся потоком в горло, заставляя задохнуться. Элли кашляет и сжимается в ожидании боли, которая приходит сильнее и ярче прежней, исследуя новые чувствительные места, докапываясь до самых глубин её затуманенного магией сознания.

Элли проводит у окна всю ночь, а на утро находит себя вполне здоровой, согретой и выспавшейся, без боли в спине от неудобной позы. Ей даже не хочется плакать, хотя утрата ещё ноет где-то внутри, но ноет глухо, отдалённо, будто старая давно зажившая рана.

Остаться здесь больше нельзя. В городе многие знают её в лицо, как служанку леди Лорен, и Элли спешит покинуть постоянный двор, задерживаясь лишь для того, чтобы подкрепится перед дорогой. Она жуёт сдобную булку, цедя горячую похлёбку с глубокой деревянной ложки, и думает о севере, о том, какой именно город выбрать в тех краях, каковы там люди и как её примут, но затем её мысли мрачнеют, возвращая её в поместье леди Лорен и к причинам её поступка, к пожару, снегопаду и вчерашним, случайно услышанным разговорам. В углу женщина кормит мальчика лет семи, оба хо-

рошо одеты, да и сопровождение из четырёх рослых мужчин не даёт усомниться, что они из знатной семьи. Мальчик громко задаёт вопросы и, в конце концов, привлекает внимание Элли.

– И что, Пустых прячут от людей, чтобы никто не видел, какие они беспомощные?

– Нет, Сод, – объясняет женщина, – Пустые опасны. Они проходят... обряд посвящения... в котором становятся обычными магами. Пустые – это сосуды, способные вместить в себя любую волшебную силу и чужую в том числе. Они непредсказуемы и представляют угрозу, понимаешь?

Элли мутит. «Обряд посвящения»... Конечно! Даже в свои девятнадцать, будучи почти затворницей в богатом доме, Элли знает, что Пустых убивают сразу, в юности, пока они не научились наполнять пустоту, пока не нашли ей применение. Магическая сила у детей часто проявлялась до десяти-тринадцати лет, но Пустых определяли задолго до этого возраста. Будь Элли Пустой, даже леди Лорен не смогла бы спасти её.

– А что тогда такое Тифы? Разве они не похожи на людей? – не унимается мальчик.

Женщина боязливо оглядывается и, когда понимает, что в зале почти никого нет, говорит.

– О таких вещах не говорят в общественных местах, сынок. Тифы слабее Пустых, наполненных силой, но сильнее любого мага. Их магия опасна и неуправляема, их магия мо-

жет убивать. Они живут общиной, скрытно, и никто не знает, где именно. Но, говорят, что в общине Тифов и Пустым и обычным магам есть место...

Мальчик поднимает удивлённый взгляд на мать.

– Магия Тифов убивает? А разве магия рыцарей Надзора, нет?

Женщина прикрывает ему рот ладонью, словно здесь их слышат даже стены, а охрана смыкается у стола, занимая оборонительную позицию.

Элли думает, что детские уста всегда говорят правду, и покидает зал. Она не заканчивает завтрак, встаёт и идёт к выходу, накидывая широкий капюшон, и забывает дышать, когда мимо неё в дверь вламывается отряд рыцарей Надзора. Краем глаза Элли успевает заметить, как женщина хватается за ребёнка и уносит его наверх, к комнатам. Пока Элли седлает купленную лошадь, пока местный конюх, осматривая подковы, что-то ворчит себе под нос, она слышит визгливый просящий голос хозяина и строгий угрожающий рыцаря Надзора.

– Я не видел, таких не было.

– А ты подумай! Кудри белые до середины спины, глаза цвета луговых трав, худая, такого вот роста. Видел?

– Нет, нет, умоляю, господин. Девушек молодых почитай три луны не было.

Элли слышит непонятное заклинание, отвратительный хруст, а затем слово, от которого холодеют внутренности.

– Обыскать!

Элли дрожащими руками перекидывает поводья и собирается вскочить в седло, чтобы оставить позади это место и этих людей и, возможно, продлить свою жизнь ещё на несколько дней, ведь слова рыцаря были точным описанием её внешности. Её ищут – маленькую слабую служанку богатой госпожи. Зачем? Неужели из-за летнего снегопада? Элли вдруг становится не важно, какова причина, почему именно она? Ей хочется лишь сбежать, оказаться отсюда подальше. Однако едва Элли на шаг приближается к лошади, задняя дверь в конюшне распаивается, и та самая женщина с мальчиком валится в ноги конюху с мольбой дать им лошадь. Её охрану убили, а повозка, на которой они с сыном прибыли, оказалась арендованной, и укатила обратно. Элли снова совершает попытку вскочить в седло, но мольбы женщины рвут душу сильнее её собственных метаний, и она решается на невозможное. На то, чего никогда ещё не делала по собственной воле. Она оставляет поводья, идёт к женщине и вместе с ней, после недолгих уговоров, сажает мальчика на свою лошадь, а следом помогает сесть и женщине.

– Я хочу, чтоб вы жили, господин, – со всей признательностью говорит женщина и склоняет голову, хотя по статусу именно Элли положено делать это, – и жили счастливо. Я не забуду того, что вы сделали.

Элли только кивает, треплет лошадь по холке, обнимает её морду и шепчет.

– Спаси их ради меня.

Лошадь срывается в галоп, а Элли замирает на заднем дворе, слушая как рыцари Надзора учиняют разгром, как обыскивают каждый уголок постоянного двора, и Элли знает, что очень скоро они доберутся и до неё, но не находит в себе сил сдвинуться с места. Ни сил, ни желания. Она слышит их близко, уже очень близко – одна группа обходит дом со стороны двора, другая идёт через заднюю дверь, откуда убежала ранее женщина с ребёнком – Элли окружена, ей не спрятаться, и её, скорее всего, как и всех здесь, убьют, но ей не страшно. На неё нападает какой-то дикий приступ смирения, и она стоит, ожидая своей участи, спокойно и почти равнодушно. У неё нет дома. У неё не осталось ничего. Зачем ей жить? Голоса слышны совсем близко, ручка задней двери дёргается и медленно поворачивается вниз, когда Элли кто-то резко хватает за руку и утаскивает... в портал.

На той стороне мягкий ворсистый ковёр, ароматы благовоний, тепло и тихо. Элли выворачивает съеденным завтраком после перемещения... Её спаситель окутан светом, он стоит между ней и окном, лучи солнца бьют ему в спину, и лицо его не различить, не разглядеть... Он – тёмный силуэт, он – мужчина. Но кто?

Элли больше не кричит, даже не скулит, просто дышит, пытается дышать. Она устала вспоминать, устала жить. Она

надеется, что не умрёт до того, как узнает всё, но уже почти уверена, что это станет и моментом её смерти. Рыцарь Надзора зло кидает склянку об пол и выдаёт одно из тех слов, за которые леди Лорен несколько раз жестоко наказывала её – Элли до сих пор помнит, как долго заживали шрамы на спине от ударов плети. Рыцарь чем-то огорчён, и он предсказуемо даёт понять, что именно его огорчило.

– Слишком медленно! – он подходит к Элли и, схватив её за ворот платья, встряхивает. Она болтается как тряпичная кукла и молчит. – Пути заклинания спадают болезненно, но, поверь мне, если мы не вытащим из тебя воспоминания таким способом, ты будешь молить об этой боли, как о великом благе!

Дверь открывается со скрежетом где-то там, за пологом яркого света, и рыцарь бросает Элли на пол слишком небрежно для человека, который выполняет действия на основании существующих законов королевства.

– Аарон, – мягкий мужской голос Элли знаком, и она невольно прислушивается, пытаясь вспомнить, кому он принадлежит, но добивается лишь возвращения боли, сжимает кулаки и прикусывает губы до крови, – я сам. Думаю, так безопасней.

– Я бы не был так уверен, си... – Рыцарь обрывает себя на полуслове, будто тот, второй подал предупреждающий знак, и продолжает, явно меняя изначальную фразу, – Серафим, тебе нужна охрана, девчонка очень сильна, и заклинание...

– Конечно, сильна! Она его коснулась, но нам нужно знать главное, понимаешь? И потом... – голос Серафима ломается и оттого становится ещё более узнаваем, но имя обладателя этого голоса ускользает от Элли. Она не помнит никакого Серафима. – она нужна мне в сознании и здравом уме, ты иногда перегибаешь.

Аарон уходит, и в круг света вступает Серафим.

– Твоя маскировка для опытного мага – пустышка, Элли. Разве твои наставники не обучили тебя навыкам самозащиты? – её спаситель сидит, окутанный светом, снова представший перед ней лишь эфемерным силуэтом, сложив ногу на ногу. Интонации голоса выдают его добрую улыбку.

– У меня не было наставников, – шепчет Элли, – я была служанкой... – она намерено умалчивает, чьей именно служанкой. Её спасителю, кажется, это совсем не интересно. – Что вы хотите за моё спасение? – её губы дрожат. Элли привыкла, что помощь всегда требует какой-то платы, особенно магическая помощь, а тут был создан целый портал, который ещё, судя по всему, и не смогли отследить люди Ложи Чародеев. Это дорогого стоило. За мгновение она успевает надумать невесть чего, и тихо предлагает сама. – Я могу убираться, стирать, обладаю хорошими навыками бытовой магии, кулинарной и...

– Не нужно, – он властно и всё же тепло, по-отечески, об-

рывает её, – я хочу, чтобы ты развивала свои способности. Я хочу тебя научить.

– Вы? Почему?

Он задумчиво потирает руки.

– Во-первых, я исследователь. На твоей магии лежит блокирующая печать, которую снять я не в силах. Считай это профессиональным интересом. Во-вторых, если хочешь выжить, мой дом единственное место, где тебя не найдут и не тронут.

– А в третьих? – нетерпеливо спрашивает Элли, когда он замолкает, как ей кажется, на слишком долгое время.

– А в третьих, я хочу выяснить, зачем такую посредственную волшебницу ищет Ложа? Зачем им девочка с печатью на силах?

Элли долго молчит, но её всё ещё грызут сомнения.

– Я слышала, что Ложа ищет какого-то ребёнка вот уже девятнадцать лет. Это же... это не могу быть я?

Он хмыкает и встаёт, по-прежнему скрывая лицо солнечным светом, отходит к окну. Теперь Элли видит его высокую фигуру: прямую широкую спину и руки, сцепленные позади, у него седые волосы, завязанные в хвост, и тонкая шея, – она разглядывает его беззастенчиво, пытаясь уловить намёки его внешности, его лица, но не может, его образ расплывается в сознании и тает, едва она успевает его запоминать.

– Это не ты, – успокаивает он, – тот ребёнок из Пустых. Это точно не ты, не беспокойся.

Элли облегчённо выдыхает, расслабляется и чувствует себя почти счастливой.

– Хорошо, я стану вашей ученицей.

Элли резко садится – с её плеч соскальзывает на пол тёплый плащ – она удивлённо смотрит на него, понимая, что Серафим воздействует магией на её внутренние и внешние раны, лечит, и хотя зелье всё ещё действует внутри неё, его магия блокирует все болезненные ощущения. Серафим не прячется. В отличие от Аарона он сидит напротив, так близко, что она, при желании, прямо сейчас даже со связанными руками может достать его, выцарапать ему глаза, нанести увечье, но он вызывает внутреннее доверие, которое отчего-то не хочется предавать.

– Больше не будет больно, Элли. Закрой глаза. Постарайся вспомнить.

И её тело удивительным образом подчиняется.

Её спаситель, а теперь тот, кого она называет учителем, ходит по комнате из стороны в сторону. Элли видит его обувь, брюки и расшитый сюртук, но снова не видит лица. Его голос звучит монотонно, но Элли вслушивается в каждое слово, потому что он говорит по-настоящему важные вещи.

– Магия, Элли, не может исчезнуть, как думают многие

невежественные волшебники. Её в мире всегда одно и то же количество. Мы берём магию, преобразуем в заклинание и снова отдаём миру. Ничего не забирая и ничего не добавляя. Ты знаешь, что существуют Маги, Тифы и Пустые?

– Да, но я... – она резко замолкает и готовится слушать дальше, не перебивая.

– Маги, как не прискорбно это признавать, самая слабая ветвь общего древа. Тифы и Пустые страшны не столько силой своих способностей, сколько неограниченными возможностями их использования. Пустые вбирают в себя чужую силу, но они так же стареют и умирают, как маги... при условии, что их не находит Ложа, разумеется. Тифы...

– Я знаю, регенерируют. А умирают только по собственному желанию или в бою.

– Верно.

Между ними опускается тишина, и какое-то время Элли слышит только тиканье старинных часов, а затем, собравшись с силами, всё же спрашивает:

– Я понимаю, почему боятся Тифов и Пустых, но я не понимаю, почему существует Запрет? Почему магам и Тифам нельзя вступать в контакт, даже смотреть друг на друга?

– Тифов теперь не встретишь в городах, – говорит он со вздохом, – их община ушла далеко от взора Храма Ложи. Это уже не важно...

– И всё равно, я хочу знать.

Он оборачивается, и Элли с надеждой всматривается в

него, надеясь, наконец, увидеть его глаза, но, увы – хотя свет из окна больше не освещает учителя, его лицо светится изнутри, словно каждая клеточка его кожи имеет специальную отражающую защиту.

– Хорошо... – он говорит это со странной печалью, и Элли кажется, что рассказ предстоит ему таким же трудным, как чистосердечное признание, – тогда я буду предельно честен, Элли. Запрет существует, потому что давным-давно один сильный Маг полюбил Тифа – девушку необычной и яркой красоты, а она полюбила его. Тогда ещё никто не знал, какие бедствия таит их союз. Всё открылось, когда на свет появился ребёнок, их сын. В мальчике слилась способность к регенерации Тифа и мощь Пустого в комбинации с невероятными способностями к светлой и защитной магии. Ребёнка назвали Эллинур от древнего общего языка, где «Элли» – светлый – как твоё имя, и «нур» – тёмный. К пяти годам мальчик способен был победить сильнейшего волшебника королевства, Король заметил в этом угрозу и приказал взять мальчика в королевскую лабораторию. Родители отказались отдать его и погибли.

Элли прижимает ладонь ко рту.

– Ты же понимаешь, – продолжает учитель, не обращая внимание на её эмоции, – что это стало последней ошибкой монарха? Ложе Чародеев пришлось взять всё в свои руки, потому что мальчик в горе утраты направил всю свою магию во тьму и погряз в ней, утонул...

– И что? – тихо шепчет Элли, не в силах нарушить атмосферу этой истории. – Что сделали с мальчиком?

– Его не убили. Оказалось, что убить его невозможно. Ложка Чародеев разделила его душу на две части: светлую поместила в филактерий, который теперь хранится в Храме Ложки, а тёмную заточила в темнице под Храмом.

– Значит, слухи верны? – обречённо уточняет Элли. – Звёздная Стелла перед Храмом действительно сдерживает тёмную сущность... демона?

Он кивает, и она вздрагивает, вспоминая, что Стелла уже много дней, как треснула.

– Что случится, если демон вырвется? – её голос звучит еле слышно, так, что ему приходится подойти ближе, чтобы понять вопрос до конца. От него исходит уверенность, сила и та самая аура, какая бывает лишь у очень сильных магов.

– Он объединится со второй половиной своей души и найдёт пристанище в Пустом, чтобы уничтожить мир и построить свой собственный.

Элли молчит, она молчит так долго, что он делает ещё один шаг к ней. Она чувствует, как он заглядывает ей в глаза, но не видит этого, хотя он близко, очень близко, так, что потянувшись, она сможет с лёгкостью коснуться его. Она думает, думает, а потом вдруг быстро проговаривает мысль, в страхе, что может отказаться озвучить её в следующее мгновение.

– Поэтому убивают Пустых?

Он кивает.

– Да. Именно поэтому.

Магия ослабевает, и из сна Элли выдёргивает удушающая боль, от которой она снова кричит, запрокидывая голову, извиваясь, в попытке унять муки, и только возобновление магической защиты Серафима успокаивает её. Она тяжело дышит и разглядывает его лицо. Ему, наверное, около сорока, седые волосы с длинной чёлкой, разделённой на две пряди, тонкие губы и взгляд слишком похожий на взгляд леди Лорен, почти точная копия. На сердце теплеет, и Элли снова погружается в воспоминания.

С учителем легко и спокойно. Он по-отцовски строг и добр, с ним она не боится своих сил, с ним не боится того, что может быть сокрыто в ней под той печатью. Элли усердно старается и очень скоро в совершенстве осваивает защитную магию низшего и среднего уровня, однако с приходом силы крепнет и страх, а вместе с ним что-то тёмное, на что Элли боится взглянуть, но не может не делать этого. Ей снятся сны о Храме Ложи, о подземных переходах и темнице под Звёздной Стеллой, а ещё чёрные цепи, уходящие во тьму, и голос... незнакомый и всё же такой родной, зовущий её по имени. Элли не глупа, она понимает, что её имя связано с

тем, о чём рассказал учитель, но не решается спрашивать: то ли от страха узнать правду, то ли от того, что эта правда окажется подтверждением её догадок. С каждым днём голос слышится всё отчётливее, путь видится всё яснее. Элли увлекается мыслями об этом и не замечает, как учитель начинает давать ей другие уроки: показывать карты, рассказывать о тайных ходах Храма – она не видит в этом никаких вторых смыслов и подтекстов, пока учитель не исчезает. Просто однажды зимним утром, покинув дом, не возвращается.

Элли ждёт до вечера, а затем до утра и ещё два дня, прежде чем принять решение. Она вспоминает старые уроки, карты, слова, – всё это теперь обретает смысл, обретает высокую важность, которая даже больше, чем просто жизнь и смерть. Элли готовится, Элли знает, что всё сказанное не просто так. В эти дни голос во снах особенно настойчив, особенно силён. Элли покидает дом учителя и делает прямо противоположное данному обещанию леди Лорен – идёт в столицу.

Элли знает, здесь её не будут искать. Рыцари Надзора осматривают деревни, отдалённые маленькие поселения и города. Она уверена, никто не подумает, что ей придёт в голову появиться в столице, и не просто в столице, а прямо у обители Ложи Чародеев.

Город встречает её шумом, заполненными улицами, рыночной площадью с кричащими торговцами и повозками, разбивающими колёса о каменную кладку дорог. Над горо-

дом, словно тёмный страж, возвышается Храм Ложи, он стоит на высоком выступе над заливом Алмазного моря – на краю выступа сияет наконечником остриё Звёздной Стеллы, позади главный вход в Храм. Элли уже знает, что к Храму ведёт узкая каменная лестница, высеченная прямо в горе, и что без должной магической силы подняться туда очень тяжело, почти невозможно. Но она идёт, она уверена, что сможет...

Ещё с площади Элли замечает какой-то переполох у Стеллы. Среди местных ходят слухи, что Чародеи Ложи впервые за долгое время собрались вместе, чтобы сдержать Стеллу и уберечь мир от демона, заключённого под ней. Элли верит, она даже надеется, что это так, и отчего-то надеется, что у Ложи не получится.

На скалистой лестнице горы голос из снов настигает Элли уже наяву, он туманит разум и зовёт за собой так настойчиво, что она сама не понимает, как оказывается в тронном зале Храма Ложи Чародеев. *Она идёт по мраморному полу, спускается по винтовой лестнице с покатыми гладкими ступенями, проходит вдоль множества дверей по коридору столь длинному, что конец его теряется в пелене белёсого тумана. Она идёт полная бесстрашной решимости – от камня веет холодом, пахнет сыростью и гнилью – Элли не смущает ничего. Одна дверь, вторая, третья... у четвёртой двери Элли останавливается, и взгляд её приобретает оттенок злой решимости, когда она касается железной ручки в виде*

головы змеи. Дверь со страшным скрежетом отворяется, и на первый взгляд кажется, что за ней нет ничего: ни пространства, ни времени, только пустота, – однако вскоре глаза Элли привыкают. Свет от факела скользит по полу и на миг выхватывает из полумрака силуэт странного существа. Подобие человека, созданного тенями, бесплотного – словно чёрная душа, заточённая здесь на многие века. Элли не страшно, она приближается к нему, и с каждым её шагом существо обретает плоть, его кожа белеет, а на лице прорисовываются черты – губы, глаза, брови. Оно смотрит прямо в душу. Элли на мгновение теряется, прежде чем заметить чёрные пряди длинных шелковистых волос, собирающих на себе призрачные блики света. Ей хочется о многом спросить, но существо перебивает её.

– Не бойся. Услышь меня. Мы – единое, мы две сущности одной души. Я Нур. Возьми мою руку.

Элли вздыхает, завороченно смотрит на протянутую руку и собирается подать руку в ответ, но пол уходит из-под ног, и она падает... падает во тьму.

Голову разрывают тысячи стрел невыносимой боли. После целебного действия магии Серафима, Элли кажется, что она не выдержит, что её тело просто неспособно пережить такое и разорвётся на мелкие кусочки в ближайший миг. Она кричит, срывая голос, задыхается в истерике и какое-то время

не может ничего с этим сделать, а потом затихает. Издалека слышатся чужие голоса, уголком сознания Элли понимает, что Серафим покидает её по какой-то срочной причине, она рада в глубине души, ей действительно нужен перерыв. Но она так близка к истине, она чувствует, что очень близка, и в этот момент предпочла бы не испытывать боль... Элли предпочла бы всё вспомнить прямо сейчас.

Удар сердца, второй, третий... новая вспышка боли, сильнее любых испытанных ранее... Элли оседает на пол и теряет сознание.

Она стоит в пучке света, падающем из высокого окна коридора – в Храме Ложи очень холодно, руки Элли дрожат. Она разворачивает лист, который, как ей кажется, нашла тут совершенно случайно, и сердце её замирает, когда она узнаёт знакомый почерк. Почерк леди Лорен.

– *Милая Элли,* – пишет леди Лорен. Строчки ложатся неровно, и Элли думает, что леди Лорен сильно спешила написать ей это послание, — *если ты держишь в руках это письмо, значит, меня уже нет, и значит, что ты встала на путь, с которого свернуть уже не сможешь. Выслушай меня внимательно, Элли, и сделай правильный выбор.*

Девятнадцать лет назад, в праздник Богини Силы, молодой служащий Храма Ложи познакомился с талантливой

волишебницей. Они полюбили друг друга и поженились. Так случилось, что в день, когда волшебница узнала, что носит ребёнка, служащий храма в силу многих обстоятельств занял место главы Ложы Чародеев. Он клялся сестре и жене, что власть никогда не затмит его разум, что он будет справедлив и праведен, но ему не удалось сдержать обещание. Ему, как главе Ложы, открылись неизведанные тайны, в том числе и тайна о ребёнке, рождённом от мага и Тифа. Тайна об Эллинуре, сильнейшем из когда-либо существующих волшебников. Ходили слухи, что, завладев двумя частями души Эллинура, можно обрести безграничную силу. Глава Ложы стал одержим этой идеей и сделал всё, чтобы воплотить её в жизнь. Ему лишь нужно было дитя, Пустое от рождения, которое смогло бы статьместилищем души Эллинура. К несчастью, дитя у него было. Его собственная дочь родилась Пустой. Даже жена не смогла остановить его, она боролась за дочь, и ему, в конце концов, пришлось убить её.

И всё же, план провалился. Его сестра узнала о случившемся и выкрала ребёнка в тот момент, когда светлая часть души Эллинура только осваивалась в пустоте. Сестра солгала о ребёнке, выдав его за найдёныша, и наложила печать на безграничную мощь светлой половины Эллинура.

Ты этот ребёнок, Элли, а я та сестра... твою родную тётю. Знаю, мы большие никогда не встретимся, мой брат всё узнал, и его рыцари уже скачут из столицы сюда... за то-

бой, Элли. Они ничего здесь не найдут. Никого. Прости меня за всё, чем я вольно и невольно обидела тебя. Приказ уходить подальше от столицы был невыполним, я понимаю, что тот, кто, вероятно, назовётся твоим учителем, найдёт тебя в ближайшие два дня, и теперь ты в столице... в Храме Ложи Чародеев. Сожги письмо и спустись в подземелье, освободи Нура и прими его. Он твоя судьба, он часть тебя, Элли. Но остерегайся главу Ложи, своего отца, остерегайся его, ибо только назвав своё полное имя будешь свободна, а до того главе Ложи не составит труда поработить тебя. Имя – самое сильное заклинание, оно рушит любые чары, оно даёт силу и может её лишить. Иди, Элли, так предначертано в старых манускриптах пророков. Иди и стань свободной. – письмо выпадает из рук Элли, и она оседает на пол, не понимая, не веря, отрицая само существование этой правды. Но правда кусочками паззла складывается в её голове.

По мере того, как информация усваивается её сознанием, на место непонимания приходит спокойствие, на место неверия – вера, и, наконец, отрицание сменяется твёрдой решимостью. Видение-сон с мрачными коридорами Храма Ложи Чародеев повторяется уже наяву, теперь Элли знает – бесплотное существо и есть Нур. Она с надеждой врывается в его тюрьму, и чёрные цепи падают на землю. Нур подаёт ей руку, а вместе с тем она ощущает приближение чужих чар... чар настолько сильных, что мощь их силы страшит её. Ста-

новится холодно, словно иней покрывает всё вокруг и сам воздух, но Элли чувствует близость Нура, тепло его руки, и... о, Небо! Она могла бы поклясться, что никогда никому не доверяла так сильно, как этому существу. Она спешит вложить свою ладонь в его, и Нур исчезает за миг до того, как в дверь врывается глава Ложи. Элли оборачивается, собираясь испугаться, но ей не страшно. Магия, сама сила струится по её телу, печать леди Лорен исчезает, и Элли в полной мере осознаёт, что способна разрушить город или даже всё королевство одним щелчком пальца. Элли поднимает взгляд, смотрит на главу Ложи, и сердце её перестаёт биться, потому что перед ней стоит её учитель. Теперь она отчётливо видит его лицо, и ужас охватывает всё её существо, потому что учитель не только глава Ложи, он Серафим, он самый опасный рыцарь Надзора, самый коварный и беспринципный из них.

Её мысль обрывается, она не успевает заметить, как Серафим завязывает на ней заклятье подчинения – ему нужно несколько минут, чтобы закончить комбинацию знаков. Элли понимает, что упустила момент, когда можно было выставить защиту, что новая магия ещё не до конца подчиняется ей, а чужая уже действует в полной мере. Мысли путаются, и прячут наказ леди Лорен об имени... полном имени, которое Элли должна произнести. Она Элли, просто Элли. Она никогда не слышала своего полного имени, и ей никогда не говорили о нём. Элли судорожно соображает, и Нур помогает

ей, подсказывая, Элли хочет так думать, хотя на самом деле просто мысленно спорит сама с собой. Идея приходит в последние секунды, яркая и безумная, — Элли произносит заклинание модификации памяти, надеясь, что за время, пока Ложа будет добиваться от неё правды, новые силы окрепнут, сольются с ней и разрушат магию подчинения.

Серафим одновременно с ней завершает комбинацию знаков. Чары дочери и отца непредвиденно сталкиваются и резонируют волнами энергии, отбрасывающий их в разные концы подземелья... Они оба забывают, что произошло.

Элли выныривает из воспоминаний, она вдыхает воздух, словно только что всплыла с самого дна Алмазного моря, и озирается. Вокруг никого. Последний барьер заклинания модификации памяти падает, однако проясняется не только память Элли, но и память Серафима. Элли буквально слышит, как бьётся его сердце, как страх захватывает его, а затем слышит по-настоящему, как он спешит по коридору к двери её темницы, чтобы подчинить снова, потому что она... она... Имя само собой появляется перед её воображаемым взором, и Элли всё понимает. Больше не будет рыцарей Надзора. Не будет Ложи Чародеев и разделения магов. Только свобода и сила. Только мир.

Из подземелья Нура их забрали рыцари Надзора. Они решили, что Элли отпустила демона и ранила главу Ложи —

у них есть причины пытаться её в поисках правды, и у Серафима тоже – Элли не собиралась прощать их, у неё теперь есть всё, что нужно.

Серафим спешил, как мог, но Аарон, влекомый неведомой силой, вошёл раньше. Дверь скрипнула, и резкий порыв ветра задул все лампы, задул магический светильник и факелы, оставляя лишь мрак – бесконечный и плотный как тёмное покрывало. Глаза Аарона привыкли не сразу, но он очень скоро различил силуэт Элли – она лежала без движения, но едва очертания стали чётче, вздрогнула и стала медленно подниматься прямо с пола, будто была куклой, которую тянули вверх за ниточки, привязанные к плечам. Элли медленно открыла глаза. Аарон отшатнулся – алые огоньки смотрели прямо на него, выжигая сердце, и он упал на колени, в мольбе складывая руки. Единственный вопрос, который он хотел задать уже готов был сорваться с его губ.

– Кто ты такая?

Серафим ворвался в темницу, опоздав на долю секунды, и закричал.

– Нет!

Рот Элли изогнулся в ужасной ухмылке, и она насмешливо произнесла.

– Эллинур. Я Эллинур.